

A man with a crown and a red military-style uniform is sitting in a chair, reading a newspaper. He is wearing white trousers and black boots. To his right, a large silver bowl filled with popcorn sits on a wooden table. The background is a dark, ornate room with wood paneling and a window with curtains.

АЛЕКСАНДРА
ШЕРВИНСКАЯ

ЛОТ ПЕРВЫЙ.
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО.
ПРОДАНО!

Александра Шервинская Лот первый. Его величество. Продано!

<https://litres.ru/73729859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ну что же, давайте знакомиться.

Я король Александр, но немногочисленные друзья зовут меня Алексом. Ещё совсем недавно я спокойно жил и считал, что трон — это что-то неизбежное, но достаточно далёкое. Однако матушка почему-то решила, что устала и хочет отдохнуть. По сей причине она взяла и заявила, что официально отказывается от короны и передаёт бразды правления королевством мне. Хоть бы предупредила, так нет же... Сюрприз!

Ну что же... Я не напрашивался, но раз матушка сказала, что нужны новые веяния, я постараюсь их обеспечить. Только не надо потом жаловаться и говорить, что она не совсем это имела в виду.

Ну, держись, Авернет, тебя ждёт правление короля Алекса!

Спин-офф к истории «Я к вам по делу, ваше величество!», но вполне может читаться и как самостоятельное произведение. Однотомник.

Содержание

Пролог	4
Часть 1 Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	38
Глава 4	51
Глава 5	63
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александра Шервинская

Лот первый. Его величество. Продано!

Пролог

в котором рассказывается о тяжкой королевской доле и о мире, в котором всё и будет происходить. Ну или почти всё...

Никогда не понимал, почему люди так рвутся стать королями? Интригуют, выстраивают сложнейшие многоходовые интриги, лишь бы ещё на шаг приблизиться к заветному трону. И даже, скорее всего, не предполагают, что сами себя загоняют в ловушку.

То, что жизнь короля — это непрерывная череда балов, парадов и турниров, придумал какой-то сказочник, не имеющий ни малейшего представления о реальных королевских буднях. Попался бы мне этот фантазёр, я бы ему быстро устроил отпуск где-нибудь в каменоломнях, чтобы ерунды не сочинял! Хотя это я так, на эмоциях говорю... кто мне даст безвинного человека на принудительные работы отправить? Тут королевской воли недостаточно: в любом случае

необходимы суд, присяжные, расследование хоть какое-то, хотя бы для виду, а там наверняка пресса подтянется... ну и всё, максимум — пара недель домашнего ареста и высылка из столицы. Да и то не навсегда, а на полгода от силы, так что все эти истории о всемогущих монархах, одним движением пальца крушащих вражеские армии и коротающих длинные зимние вечера за сортировкой сокровищ в глубоких подвалах — это исключительно устное народное творчество.

На самом же деле жизнь короля, особенно короля молодого, представляет собой непрекращающуюся череду попыток добиться хоть какого-то права принимать самостоятельные решения. Почему-то абсолютно все: и кабинет министров, и парламент, и главнокомандующий — считают, что без их бесценных советов королю не обойтись даже в самом пустяковом вопросе.

Разумеется, будущего монарха с детства готовят к тому, что рано или поздно нынешнему правителю окончательно надоест эта головная боль и он с невероятным облегчением переложит все королевские обязанности на широкие плечи преемника. В связи с этим наследник престола делает вид, что тщательно изучает основные законы государства, его историю, особенности внешней и внутренней политики, дипломатию и ещё пару десятков дисциплин. И это не считая занятий физической подготовкой, а также обучения фехтованию, верховой езде, танцам, придворному этикету... Добавим сюда иностранные языки: как минимум тех стран, с ко-

торами граничит государство, которое рано или поздно ему предстоит возглавить. И это ведь далеко не полный список!

О нормальном человеческом общении будущий король тоже может благополучно забыть, потому как дружба — непозволительная роскошь для монарха. Государственные интересы, а не обычная человеческая симпатия должны определять круг общения короля. Хочется поговорить об охоте или обсудить новый философский трактат? Для этого есть преподаватели, наставники, специалисты по псовой, соколиной или засадной охоте. А все эти молодые балбесы, которые то и дело попадают в поле зрения будущего короля, — это не то, они его плохому научат!

Ну а уж если говорить о женитьбе... тут желания принца вообще никого не интересуют. Есть государственные интересы и династические браки, ни о какой любви даже речь не идёт. Захочется королю страсти и бурных чувств — так для этого фаворитки есть, этакий монаршая привилегия, традиционно никем не осуждаемая. Как говорится, любовь — сама по себе, долг перед королевством — сам по себе.

Впрочем, что-то я разговорился. Пожалуй, стоит остановиться и начать... а хоть бы и с самого начала! Итак, когда-то, не так уж и давно, если разобраться, жил-был принц...

Жил он в королевстве, которое называлось Авернет и которое, в общем-то, ничем не отличалось от десятков или даже сотен других государств, прихотливо разбросанных по

бескрайнему миру. До сих пор никому ещё не удалось объехать мир целиком, от начала до конца, поэтому точными сведениями о том, где он начинается, и где заканчивается, никто не располагает. Некоторые сумасшедшие учёные даже утверждают, что миров существует великое множество, и они плавно переходят один в другой, поэтому никаких границ один отдельно взятый мир не имеет и иметь не может. Эта теория подтверждения не нашла, но опровергнуть её тоже не смогли и потому оставили как есть. Кому нравилось — тот верил в неё, а кто был не согласен, верил во что-то другое, и всем было хорошо.

Было королевство не так чтобы очень большим, но и карликовым его назвать было бы сложно: средненькое такое. Было в нём с полсотни городов, несколько достаточно крупных рек, даже выход к морю был, правда, не к южному, а к северному, но ведь был же. Столица имелась, как же без неё, два университета, несколько благородных пансионатов и три военных академии. Раньше была ещё и академия магии, но с тех пор, как маги покинули Авернет, необходимость в ней исчезла.

О магах надо сказать отдельно пару слов: раньше они жили в Авернете совершенно свободно, создавали себе преспокойно артефакты, помогали крестьянам с дождями и солнцем, занимались целительством и научными изысканиями. Существовало девять старинных магических родов, фамилии которых были выбиты на стенах пещеры, считавшейся

местом силы. Каждый род совершенствовался в своей области магии, не мешая, но и не помогая другим.

Но потом супруг королевы Жозефины, король Август, поссорился с главной королевской ведьмой, Марготт Ольсен, и маги дружно покинули Авернет, благополучно осев в соседней Ритории, где и проживают с тех пор с немалым комфортом. В Авернете же к отсутствию магов постепенно привыкли, тем более что артефакты по-прежнему можно было купить, правда, уже за совсем другие деньги. Да и выехать в Риторию, если вдруг нужна какая магическая помощь или личная консультация, тоже было не так чтобы сложно. Такие поездки не приветствовались, но и наказания за них никакого не предусматривалось.

К моменту начала нашей истории в Авернете правила королева Жозефина, севшая на трон после смерти короля Августа. Королевство в целом процветало, катастрофы и моровые поветрия обходили его стороной, и всё было хорошо и спокойно ровно до того момента, как её величество решила, что она устала и вполне может себе позволить спихнуть корону на подросткового сына.

Тут, как говорится, и сказки начало....

Часть 1 Глава 1

в которой мы убеждаемся: если утро не задалось, то и дальше лучше не станет, а вот хуже — запросто!

Давным-давно какой-то мудрец заметил, что если день начался отвратительно, то дальше он будет становиться только хуже. Видимо, этот замечательный человек действительно понимал, о чём говорит, потому что именно так оно обычно и происходит. В этом я за двадцать лет своей жизни убеждался неоднократно. Сегодняшнее утро не стало исключением.

Началось всё с того, что я вчера за каким-то демоном послушался графа Лорана — нашел кого! — и поставил палатку неподалёку от склона оврага. Орелье уверял меня, что так мы хоть немного защитимся от пронизывающего северного ветра, который демонстративно игнорировал приход весны и пробирался под куртки, под камзолы и даже под утеплённые, подбитые мехом плащи.

Так что матерчатые стены палатки, пусть даже и сделанные вроде бы из плотной зачарованной ткани, для него препятствием не являлись. Кстати, надо будет потом купца, который осуществлял поставки этих как бы уникальных палаток, отправить к господину Стайну. Пусть расскажет главе Тайной полиции, которого до обморока боятся все правонарушители Авернета, почему внутри этих чудесных пала-

ток так же холодно, как и на улице. А ещё лучше — выдать ему одну такую и отправить на недельку куда-нибудь в сторону северных границ. Там он очень быстро осознает, насколько был неправ, когда решил сэкономить и рискнул продать представителю королевской гвардии бракованный товар.

Так вот, вчера я сдуру послушался Орелье и поставил нашу с ним палатку аккурат возле склона. Ночью ветер, преследовавший нас последние пару недель, наконец-то стих и резко потеплело. А что бывает на севере при повышении температуры? Правильно: начинает таять снег... Он превращается в симпатичные такие ручейки, которые радостно сбегают по склонам... Продолжать?

В общем, проснулись мы с графом Лораном практически в луже. Спальные мешки промокли насквозь, одежда безнадежно отсырела, казённый артефакт, который давал хоть какое-то тепло, погас. Не утро, а просто праздник какой-то, честное слово!

— Дьявол!

Я повернулся и увидел встрёпанного Лорана, который уныло рассматривал плащ, опрометчиво использованный им в качестве подушки. Теперь надеть его не было ни малейшей возможности, так мех на подкладке намок и торчал в разные стороны словно иглы неведомого зверя.

— Слушай, я же не знал, что потеплеет, — правильно расшифровав мой взгляд, заявил Орелье, в голосе которого не было даже тени раскаяния, — между прочим, ты оказался не

намного предусмотрительнее, твоё высочество, так что дураки оба.

Меня всегда изумляла и восхищала способность Лорана вывернуть любую ситуацию так, что виноват оказывался кто угодно, только не он. Я, например, так не умею и вряд ли уже научусь!

Вообще мы с графом Орелье Лораном знаем друг друга не так давно, чуть больше года, но за это время успели по-настоящему сдружиться. Ну, насколько это в принципе возможно между принцем и наследником древнего, но не самого богатого и влиятельного рода.

Как я оказался в гвардии и почему матушка позволила мне это, я поведаю как-нибудь в другой раз, потому что это была моя первая самостоятельно разработанная и до конца реализованная интрига, и она вполне заслуживает отдельного рассказа. Я, правда, почти уверен, что господин Стайн если не знал, то наверняка догадывался, но почему-то препятствий не чинил. Скорее всего, потому что считал, что мне это пойдёт на пользу. Таким образом я оказался в гвардейском полку, который нёс службу на северных границах. Официально считалось, что именно я руковожу всем, но на самом деле я, скорее, не командовал, а учился у тех, кто разбирается в вопросе куда лучше меня.

Генерал Флодинг, который командовал северными гарнизонами уже третий десяток лет, сначала встретил меня без особой радости. Я мог его понять: мало ему было дел, так

ещё за принцем присматривать надо. Но я сумел убедить его, что явился не командовать и не менять установленные задолго до меня порядки. Ну и добавил, что очень рассчитываю научиться у него как военному делу, так и работе с людьми. Через пару недель генерал смягчился, через месяц перестал называть «высочеством» и начал гонять наравне со всеми, а через полгода доверил командовать небольшим разведывательным отрядом.

Он же приставил ко мне графа Орелье Лорана, сына своего старого боевого товарища, сначала, полагаю, в качестве наблюдателя: мало ли что его высочеству, то есть мне, в голову взбредёт. Мы с графом Лораном, который был практически моим ровесником, сначала терпеть друг друга не могли, потом несколько раз подрались, дважды напились до поросьячьего визга, и в итоге стали лучшими друзьями. И вот уже больше года граф Орелье состоит при моей персоне в качестве адъютанта. Для любого представителя аристократии близость к королевской семье — это гарантия благополучного будущего, а уж для младшего сына растерявшей своё былое величие фамилии это вообще редкостная удача.

И вот сейчас этот самый граф задумчиво поворачивал перед собой мокрый плащ, недовольно морща безупречный аристократический нос и недовольно принюхиваясь к запаху мокрого меха.

— Сейчас костры зажгут и высушим всё, — заявил я, стараясь говорить бодро и уверенно, — наверняка все в таком

же положении, как мы.

— Думаешь, успеем? — скептически прищурился Орелье. — Нам после полудня выходить уже, так что в лучшем случае мех только нагреется, что, если разобраться, уже неплохо, да? Пойду прослежу: пусть побольше костров разложат, чтобы всем хватило.

Проводив друга взглядом, я сделал несколько простых упражнений, чтобы разогнать кровь и согреться, а потом набросил абсолютно сухой плащ, который предусмотрительно положил вечером на раскладной столик. Вообще-то предполагалось, что на нём должны лежать карты и планы, но их, к счастью, забрал генерал.

— Ваше высочество!

Я выглянул из палатки и увидел спешащего ко мне со всех ног немолодого усатого фельдъегеря, держащего в руках конверт с до боли знакомой тёмно-синей печатью.

— Ваше высочество! Вам срочное послание от её величества!

— Давай, — вздохнул я, с тоской глядя на письмо. Вот не зря мне сегодня снилось, что я объезжал горячего арлахонского жеребца и несколько раз от души с него навернулся. Ведь ещё моя нянюшка Роза, да примут боги её душу, говорила, что падать во сне — это к неприятностям. А письмо от матушки, да ещё и срочное, ни к чему хорошему привести не могло, потому как всем было известно: королева Жозефина терпеть не может эпистолярный жанр. Так что если уж она

написала, значит, дело серьёзное.

— Тут вот ещё пирамидка порталная, ваше высочество, — фельдъегерь протянул мне коробочку, тоже запечатанную личным матушкиным перстнем.

Портал? Значит, её величеству понадобилось моё срочное присутствие в столице, иначе чем другим объяснить такую щедрость?

Тут надо уточнить: с тех пор, как я сбежал — будем называть вещи своими именами — в гвардию, рассердившаяся матушка почти полностью прекратила финансирование меня, любимого. Нет, совсем без денег единственного сына она, конечно, не оставила, но содержание выделила более чем скромное. По-моему, даже Орелье присылали больше. Впрочем, кутить на севере всё равно было негде, так что моего лейтенантского жалования и матушкиных денег мне вполне хватало. А тут — целый портал, игрушка более чем недешёвая...

— В этом деле главное что? — неожиданно раздался рядом голос генерала Флодинга. Видимо, узнав, что прибыл гонец от королевы, он поспешил узнать, в чём дело, и застал меня рассматривающим письмо. Думаю, по моей физиономии было совершенно ясно, что открывать конверт мне жутко не хочется.

— Что?

— Чтобы жениться не заставляли, — сказал генерал, — от всего в этой жизни можно защититься, а вот от жены —

никогда. Она ж, зараза, хуже чумы: всюду пролезет и везде достанет, никуда от неё не спрячешься. Разве что вот сюда...

Тут генерал с нежностью посмотрел на кривоватые сосны, здоровенные лужи, подтаявший и оттого выглядевший серым снег и непролазную грязь вместо дороги. Вот сразу видно человека опытного и много повидавшего.

— Надеюсь, что нет, — вздрогнув, ответил я, — нормальных невест давно разобрали, а те, что есть в наличии, либо маленькие совсем, либо с дефектами, несовместимыми с будущей короной.

— Например? — заинтересовался генерал.

— Ну, допустим, у правителя Арлахона есть дочь, — начал я, — вполне даже симпатичная, я портрет видел. Но! У них в роду все как один — заговорщики, для них свержение нынешнего монарха — это что-то вроде национального вида спорта. Теперешний, например, сидит уже третий год, и это для Арлахона очень много. Просто этот мудрый человек побивал всех, кто имел хотя бы призрачные права на корону. Но это пока дочка не подросла, у них там женщина тоже может трон занять, но только после двадцати пяти лет. До этого — нельзя, традиции, понимаешь ли.

— И сколько сейчас дочурке? — незаметно подошедший граф Лоран, как всегда, смотрел в корень.

— Двадцать три, — кивнул я, — то есть у шейха — там у них шейхи в Арлахоне — осталось два года для того, чтобы пристроить дочь и на какое-то время обезопасить себя, пе-

реключив её внимание на мужа. Вот и скажите — а оно мне надо, такое счастье?

— Да ну, нет, конечно, — граф и генерал переглянулись, — а больше никого нет?

— В том-то и дело, что одни сыновья у монархов вокруг, — вздохнул я, — и тоже преимущественно холостяки по понятным причинам. Как выяснилось, очередь на нормальную невесту надо было занимать лет пятнадцать назад, а то и больше. Ну а отец не подсуетился, уж не знаю, к сожалению или к счастью. Ходят, правда, слухи, что у короля Ритории подрастает несколько дочерей, которых он никому не показывает. Может, незаконные, может ещё что, официально-то у него два сына и всё. Где там правда, где ложь: кто их, магов, разберёт.

— А самому невесту выбрать? — спросил Орелье. — Не обязательно же, наверное, королевских кровей, можно и из аристократов кого-то.

— И посеять смуту между лучшими фамилиями Авернета?

— С этой точки зрения я на вопрос как-то не смотрел, — признался граф.

— Чего гадать-то? Открывай письмо, твоё высочество, — велел генерал, — а то ты до вечера так стоять будешь, а нам в полдень уже выходить надо, чтобы затемно до перевалочной базы добраться. Не в трактире же ночевать! Мне с вами, оболтусами, и без того головной боли полно. Да и где такой

постоялый двор взять, чтобы все поместились?

Жаль, я с удовольствием побывал бы в самом обычном трактире: интересно же. Как-то получилось так, что мой жизненный опыт сначала ограничивался королевскими апартаментами, а затем, в гвардии, исключительно палатками и гарнизонными казармами, где нам с Орелье выделяли пару небольших комнат. Так что в трактирах я бывал за всю жизнь всего дважды, и оба раза дело заканчивалось пьянкой и мордобоем. Но когда-нибудь я непременно поживу в самом обычном трактире, почувствую себя нормальным человеком. Но это не сегодня, увы, не сегодня...

подавив душераздирающий вздох, я сломал сургучную печать, которая на мгновение вспыхнула холодным тёмно-синим пламенем. Значит, матушка получила известие о том, что послание вручено и даже уже открыто.

«Александр! Мне необходимо, чтобы ты вернулся в столицу в ближайшее время, лучше всего сегодня. Обстоятельства требуют принятия непростых решений, и пришло время вспомнить, что ты ещё и наследник трона, а не только лейтенант гвардии. В порталльной башне тебя встретит господин Стайн и проводит ко мне. Жду тебя, Александр, и, пожалуйста, не нужно искать повод отложить или отменить этот визит. Любящая тебя королева Жозефина».

Для человека несведущего в письме содержалось очень немного информации, но не для меня. Из короткого послания следовало, что, во-первых, матушка ещё не окончатель-

но меня простила, но уже не сердится, так как я уже не «ваше высочество», но ещё и не Алекс. Во-вторых, встретит меня господин Стайн, глава Тайной полиции Авернета, человек в равной степени обаятельный и жуткий. Значит, дело, в связи с которым матушка вызывает меня в столицу, тайное и касается государственной безопасности. В-третьих, матушка обращается ко мне в первую очередь как королева, и только потом как мать. Следовательно, вопрос касается власти или смежных с ней вопросов.

Ну что же, при таких раскладах придётся отправляться, не откладывая, я ведь действительно в первую очередь будущий король, и воспитывали меня в правильном ключе. То есть капризы капризами, а государственные интересы превыше всего.

— Господин генерал, — я повернулся к начальству, — разрешите покинуть расположение полка по семейным обстоятельствам?

— Да уж покидай, что ж с тобой делать, — вздохнул генерал, — против королевской воли не попрёшь, будь ты хоть сто раз принц, верно?

— Точно так!

— Иди, лейтенант, и графа Лорана с собой возьми, — распорядился Флодинг, — если что, его пришлешь с информацией. Да и мне спокойнее будет, если вы вдвоём отправитесь, а то мало ли что...

Тут он непонятно пошевелил в воздухе пальцами, види-

мо, чтобы подчеркнуть всю непредсказуемость и туманность моего будущего.

— Зато одежду высушим, — оптимистично заявил Орелье, бодро шагая рядом со мной в сторону нашей злополучной палатки, — во всём надо видеть плюсы. А если серьёзно, как думаешь, что-то действительно важное случилось?

— Не знаю, — я оглядел место нашей не слишком удачной ночёвки, чтобы точно ничего не забыть, — но не думаю, что матушка дёрнула меня просто для того, чтобы полюбоваться на мою умеренно небритую физиономию. Это не в её стиле. Но я даже гадать не буду, потому что мы с тобой можем придумать сто версий, а верной окажется сто первая, которая даже не пришла нам в голову.

— Вообще-то так всегда и бывает, — согласился Лоран, забрасывая за спину походный мешок, — я готов, а ты?

— Нет, но это ничего не меняет, — вздохнул я, недобрым словом поминая так неудачно приснившегося мне арлахонского жеребца. Это всё из-за него, к гадалке не ходи! Если бы не он, то и палатка бы не промокла, и письма бы не было, и не стоял бы я сейчас посреди поляны, сжимая в руке порталную пирамидку.

Поняв, что откладывать неприятное, но неизбежное можно почти до бесконечности, я нажал на нужную грань, и перед нами открылось подёрнутое серебристым маревом окно, в которое мы оба и шагнули, чтобы через несколько секунд выйти из такого же портала на вымощенной крупными кам-

нями площадке.

При виде таких знакомых стен в сердце шевельнулось странное чувство, отдалённо напоминающее нежность: всё же я вернулся домой, пусть и не совсем добровольно. И неважно, что отсутствовал я всего год с небольшим.

— Ваше высочество... Господин граф...

Услышав знакомый голос, я повернулся и увидел неторопливо шагающего в нашу сторону высокого человека неопределённого возраста. Впрочем, сколько я его помнил, в нём всегда всё было каким-то серым, смазанным, неприметным. Серые глаза, холодный пронизывающий взгляд которых вызывал непреодолимое желание сразу покаяться во всех грехах, даже в тех, которых не совершал. По-военному коротко подстриженные волосы тоже были непонятного цвета: не то русые с проседью, не то просто светлые. Правильные, но почему-то совершенно не запоминающиеся черты лица. Серый камзол, скучного мышинного цвета брюки, заправленные в высокие сапоги, тонкие перчатки стального цвета.

— Господин Стайн...

Разумеется, у бессменного главы Тайной полиции Авернета были и титул, причём достаточно серьёзный, и нормальное имя, не напоминающее собачью кличку, но все, включая меня, называли его именно так: господин Стайн или просто — Стайн.

— Её величество поручила мне встретить вас, ваше высочество, и проводить в её покои, — озвучил он причину

своего появления, хотя мы и так о ней знали из письма, но спорить и возмущаться не стали, так как в этом не было ни малейшего смысла.

— Надеюсь, с матушкой всё в порядке? — шагая рядом с невозмутимым Стайном спросил я. Лоран же молча шёл за нами, стараясь лишний раз не напоминать о своём присутствии.

— Её величество сама вам всё объяснит, — без тени каких-либо эмоций сообщил глава Тайной полиции, — я не уполномочен давать пояснения, ваше высочество. Прошу меня простить.

— Ну, сама так сама, — вздохнул я, — тем более что мы уже пришли.

Мы действительно добрались до дверей, ведущих в личные покои королевы Жозефины, из чего я сделал вывод, что разговор будет исключительно приватный: в ином случае матушка приняла бы меня в кабинете или в какой-нибудь из многочисленных малых гостиных.

— Господин граф, — негромко произнёс Стайн, обращаясь к Орелье, — а мы с вами подождём его высочество здесь, скоротаем время за приятной беседой. Вы ведь не возражаете, правда?

Хотел бы я посмотреть на того, кто решит возразить господину Стайну! Хотя за Лорана я вообще не волновался: скрывать ему, насколько я мог предположить, нечего, да и мы с ним вроде как ничего особо криминального не натвори-

ли. К тому же этот прохиндей наверняка сумеет вывернуться даже из цепких лап главы Тайной полиции, есть у него такая уникальная способность.

Но размышления об Орелье Лоране моментально выветрились из моей головы, так как меня сейчас гораздо больше волновала моя собственная судьба и невнятное будущее.

— Его высочество принц Александр! — торжественно возвестил дворецкий, видимо, из новых, потому что я совершенно точно раньше его не видел.

Одёрнув форменный камзол лейтенанта гвардии и сделав попытку придать волосам вид более или менее приличной причёски, я шагнул в комнаты, знакомые с детства.

Светлая мебель из иолайнского дуба, светлые ковры и расшитые подушки, многочисленные вазы, в которых всегда, независимо от сезона, стояли свежие живые цветы.

Матушка обнаружилась на широкой софе, где она, откинувшись на подушки, пила что-то из высокого хрустального бокала. Как ни странно, в комнате не было толпы фрейлин, от щебета которых у меня всегда начинала болеть голова. Но когда я как-то спросил у матушки, зачем ей эти бездельницы, единственным занятием которых является коллекционирование слухов, она ответила, что они у неё вместо газет с новостями и журнала с новинками моды и сплетнями. Тогда я не нашёлся, что возразить.

Зато в кресле возле окна я заметил очаровательную леди Мэнсфилд, давнюю и, пожалуй, единственную настоящую

подругу её величества Жозефины. Леди Синтию я помнил столько, сколько помнил самого себя, она всегда была рядом с матушкой: и в те времена, когда мой отец, король Август, позволял себе, прямо скажем, не совсем приличные поступки, и когда он умер, и когда молодая королева отвоёвывала себе право жить и править. Рядом всегда была спокойная, изящная и ироничная леди Синтия. Кстати, только ей — ну, кроме матушки, естественно — позволялось называть меня Алексом. И то, что в комнате присутствовала только она, лишь подтверждало мои догадки: речь пойдёт о чём-то серьёзном.

— Александр!

Королева Жозефина мягко улыбнулась и протянула мне руку, которую я, как послушный сын, тут же поцеловал. Затем подошёл к леди Синтии и приложился к её ручке, успев уловить скользнувшую по губам старшей фрейлины ободряющую улыбку.

— Матушка, у тебя всё в порядке?

Мы находились практически наедине, так как считать леди Мэнсфилд посторонней я давно отвык, поэтому я мог обращаться к королеве по-простому, без предписанного традициями официоза.

— В последнее время я неважно себя чувствую, — сообщила её величество, отставляя бокал и картинным жестом прикладывая ко лбу унизанную перстнями руку, — и голова кружится, и в боку покалывает, и сплю плохо...

— А что говорит целитель?

Я не то чтобы встревожился, хотя матушку искренне любил и о её здоровье беспокоился, но просто её цветущий вид никак не сочетался со словами о плохом самочувствии. Хотя, наверное, и так бывает, я не специалист.

— Он говорит, что это переутомление, — страдальчески поморщившись, проговорила королева, — и он настоятельно рекомендует мне длительный отдых.

— Так в чём проблема? — удивился я. — Съезди на воды, подыши морским воздухом, я слышал, что в горах возле границы с Тулином недавно обнаружили просто какой-то чудодейственный источник. С тулинцами у нас давно мир и согласие, так что места там тихие, спокойные и благополучные. Ничего с королевством за месяц-другой не случится.

Её величество переглянулась с леди Синтией, и этот взгляд мне как-то вот совершенно не понравился.

— Ты не понял меня, Александр, — тут матушка вперила в меня свой особый «королевский» взгляд, — два месяца меня не устроят. Я хочу передать корону тебе.

Глава 2

в которой выясняется, что женитьба — это ещё не самое страшное, что может приключиться с молодым человеком...

Мне показалось, что на меня рухнул не только потолок матушкиных личных покоев, но и весь замок, со всеми его крышами, башнями, контрфорсами, донжонами, львиными мордами, флюгерами и живущими под крышами голубями.

— В каком, прости, смысле?

У меня ещё теплилась отчаянная надежда на то, что я как-нибудь неправильно понял слова королевы, и я изо всех сил цеплялся за эту спасительную мысль.

— А что, мои слова предполагают какое-то ещё понимание? Скажи, Александр, значение какого слова в предложении «Я хочу передать корону тебе» непонятно?

— Но почему сейчас?!

— А почему нет?

Матушка была невозмутима, как циньский монах, прошедший все девять ступеней просветления и познавший истинную мудрость.

— Ты ещё полна сил и вообще...

— Вот про «вообще» можно поподробнее?

Я молчал, так как новость оказалась настолько сногсшиба-

бательной, что весь мой обычно достаточно богатый словарный запас сократился до нескольких десятков слов, причём исключительно нецензурных.

— Мои слова не означают, что я прямо завтра соберу внеочередной Совет и сообщу всем, что теперь в Авернете новый король, — матушка взяла с блюда, стоявшего на столике, кисть винограда и, отщипнув одну ягодку, бросила её в рот, — но в гвардию ты уже не вернёшься, Александр.

— Почему?

— Потому что буквально с завтрашнего дня мы начнём процедуру негласной подготовки к официальной передаче власти, — по-прежнему абсолютно спокойно проговорила её величество, — надеюсь, месяца за три-четыре мы справимся. Тебе нужно многое узнать, ко многому и ко многим приглядеться, во многое вникнуть... Ну а на празднике Благодарения мы сможем объявить подданным радостную новость.

— А почему радостную-то? — обречённо вздохнул я. — Мне кажется, тебя любят и народ, и аристократия. Так что совершенно не факт, что они обрадуются тому, что тебя сменит кто-то другой.

— Но я действительно устала, Алекс, — помолчав, уже другим, нормальным голосом сказала матушка, — я тащила этот воз больше десяти лет и чувствую, что больше просто не могу. После смерти твоего отца, короля Августа, я приняла корону, заставив замолчать желающих взять на себя обязан-

ности регента при малолетнем принце, потому что должна была сберечь трон для тебя. Я правила, пока ты рос, вырос-лел, учился, вырабатывал характер, который ты, к счастью, унаследовал от меня, а не от Августа, да воздадут ему боги по заслугам, где бы он ни был теперь. И наконец-то пришло время, когда я могу передать власть тебе, оставив за собой право помогать и советовать.

— Но я морально не готов к такой ответственности...

Мне стоило определённого труда не повысить голос, и я до сих пор горжусь этим своим достижением. А всё жеребец, скотина такая... Угораздило же его мне присниться!

И ведь не возразишь особо-то: меня действительно рас-тили как наследного принца, того, к кому рано или поздно перейдёт трон. Но мне казалось, что это будет когда-нибудь потом, в некоем абстрактном будущем.

— Хочу тебе сказать, Алекс, что к ней никто и никогда не бывает готов, — улыбнулась матушка, — ты думаешь, в тот далёкий осенний день, когда мне сообщили о смерти Августа, я была готова? Синти, ты помнишь это?

— Конечно, — кивнула леди Мэнсфилд, — поверь мне, Алекс, это был форменный кошмар! Слезы, крики, в общем, полноценная истерика. Ни до того, ни после я её величество в таком состоянии не видела. Но она справилась, взяла себя в руки, и, когда к ней явился этот ядовитый змей старик Сент-Мор, уже была печальна, но спокойна и величественна. Чёткие приказы, распоряжения о похоронах и всех сопутствующ-

щих мероприятий — всё это стало неприятным сюрпризом для тех, кто ждал увидеть раздавленную горем беспомощную женщину.

— Я ничего этого не помню, — вздохнул я, — почему? Я ведь был уже не совсем маленьким...

— Ты не помнишь, потому что все дни смуты, когда я боролась за право занять трон, ты прекрасно проводил время, играя с котами и собаками дальней родственницы Мэнсфилдов, о которой кроме Синтии никто и не помнил. Тебя отвез туда доверенный человек сразу, как только стало известно о смерти Августа.

— Мне кажется, я даже догадываюсь о том, кто именно был этим доверенным человеком, — я покосился на дверь, за которой остался господин Стайн, — но, полагаю, речь не об этом.

— Совершенно верно, — согласилась леди Синтия, — мы говорим о том, что никто и никогда не бывает полностью готов к изменениям в жизни, особенно таким серьёзным. Ты ведь знал, что рано или поздно это случится.

— Но я как-то рассчитывал, что у меня в запасе есть хотя бы года три-четыре, а лучше — пять, — вздохнул я, — и я не стану разговаривать дальше, пока вы не скажете мне, почему вдруг возникла такая срочность.

Королева и её наперсница переглянулись, и матушка одобрительно кивнула, оторвав очередную виноградинку.

— Авернету нужна свежая кровь, — решительно заявила

ей величество, — новые идеи, которые разрушат устоявшиеся связи, не всегда идущие на пользу королевству. Моя система правления уже сложилась, и любые новшества, предложенные мной, будут восприняты скептически.

— А можно попроще? — жалобно попросил я. — Нет, так-то я понимаю, что ты имеешь в виду, но можно пока обойтись без вот этих словесных кружев, за которыми порой и смысл-то не разглядишь?

Какое-то время матушка молчала, задумчиво отщипывая одну за другой виноградины, а потом неспешно начала рассказывать. Я слушал и чувствовал, как передо мной медленно и неотвратимо открываются ворота, ведущие в совершенно пока неизвестные дебри, а привычная картина мира идёт трещинами и осыпается.

— В королевстве давно зреет заговор против правящей семьи, — спокойно говорила её величество, — медленно, я бы сказала, даже как-то лениво, но процесс тем не менее идёт. После ухода магов многое изменилось, и некоторые старые аристократические фамилии, которые раньше и подумать не могли о каких-то серьёзных позициях, стали задумываться о троне. Ссорясь с магами, Август об этом, естественно, не задумывался. Если раньше были девять магических родов, с которыми никто не рискнул бы конкурировать, то теперь дорога стала открыта. Но, к счастью, качественный, так сказать, жизнеспособный заговор — это вопрос не нескольких недель и даже не пары лет. Это долгий и непро-

стой процесс, так как всё нужно держать в секрете, да и уговаривать некоторых участников приходится подолгу. К тому же внутренняя жёсткая конкуренция и постоянные склоки тоже не идут на пользу делу. Но нам это только на руку. Я очень боялась, что они подготовятся быстрее, чем ты сможешь не только принять, но и удержать власть. Меня они не слишком опасались, а вот ты...

— Странно, что меня при таком раскладе не попытались просто устранить, — удивился я.

— Кто тебе сказал, что они не пытались? — изумилась леди Синтия. — Сколько раз ты, сам того не зная, ходил по грани, Алекс!

Я помолчал, осмысливая услышанное и пытаюсь сложить два и два: пока получалось откровенно плохо, но я не сдавался.

— Правильно ли я понимаю, — осторожно проговорил я, — что мой побег в гвардию был тоже не совсем побегом?

К моему изумлению, матушка слегка смутилась, а леди Синтия весело рассмеялась.

— Я же говорила, что мальчик быстро сообразит, что к чему. Да, Алекс, северные границы, да ещё и в окружении толпы военных, преданных её величеству, — это было именно то, что надо. Вот если бы тебе приспичило сбежать на южные рубежи, нам пришлось бы немного сложнее, потому как генерал Шельфер к сторонникам королевы Жозефины не относится. Но нам повезло, и тебя манил именно север, так что

какое-то время мы могли за тебя почти не волноваться.

— А я-то всё никак не мог понять, почему господин Стайн, который наверняка был в курсе, не чинил мне никаких серьёзных препятствий, — я взлохматил волосы, уже не слишком заботясь о своём внешнем виде. Какая уж тут причёска, когда такие дела творятся!

— Разумеется, Вильгельм держал ситуацию под контролем, — кивнула леди Синтия, а я как-то отстранённо подумал, что никогда раньше не знал, что господина Стайна зовут Вильгельмом. Я был в курсе по поводу его титула и настоящей фамилии, а вот имя главы Тайной полиции меня как-то мало интересовало. Боюсь, что таких моментов, которые раньше казались мне не стоящими внимания, может оказаться очень много.

— Но почему всё же именно сейчас? Произошло что-то непредвиденное? Не просто же так вы меня выдернули в столицу?

Мои собеседницы в очередной раз обменялись взглядами, а потом её величество заговорила, тщательно подбирая слова. Я слушал, не перебивая, так как от сказанного зависела вся моя дальнейшая жизнь, без преувеличения.

— Конечно, ты прав, Алекс. Честно говоря, мы планировали начать подготовку где-то через год, но обстоятельства изменились. Нам стало известно, что на ближайшем ежегодном Совете, который, как ты знаешь, должен состояться как раз в канун праздника Благоденствия, будет поднят вопрос

о том, что моё правление стало излишне консервативным. Это, по мнению части влиятельных людей, пагубно сказывается на развитии Авернета как государства. Королевству необходима свежая кровь, по их мнению, и с ними сложно не согласиться, я сама давно пришла к такому же выводу, но постепенно внедрить изменения не получилось, а резкая смена курса — это ещё хуже, чем смена монарха, поверь. Нужен новый, так сказать, взгляд на привычные процессы.

— И что, у них уже есть тот, кто этот новый взгляд обеспечит? В смысле — кандидат на не слишком удобный трон? Что ты так смотришь? Думаешь, я на нём не сидел? Несколько раз, между прочим, и всё хотел поинтересоваться: а чего ты на него хотя бы подушку какую-нибудь не положишь? Там же всю задницу... кхм... извини... отсидеть можно!

— Традиции, — негромко рассмеялась матушка, — король не должен рассиживаться на троне, так что комфорт там изначально не предусматривался. Но, — тут её величество поманила меня пальцем и тихонько сказала, словно сообщая государственную тайну, — но если мне предстоял длительный приём, я прикрепляла под юбками подушечку, благо заметить это невозможно. А вот что будешь делать ты, я даже не представляю!

Я тут же представил себя в парадном мундире, с привязанной к заду подушкой, расшитой цветами и птицами, и аж зажмурился. Хотя, если подумать, подушку можно расшить государственной символикой... Нет, тогда совсем неловко

получится, так что...

— Нарушу традиции и велю сделать его удобным, — я пожал плечами, — какая разница, с чего начинать перемены, правильно?

— Мы не ошиблись в тебе, Алекс, — улыбнулась мне леди Синтия, — ты ещё покажешь всему этому курятнику, что такое настоящая эпоха перемен. И заранее хочу тебе сказать: не стесняйся, но в рамках действующего законодательства.

— И кто же тот чудесный человек, которым хотят заменить такого симпатичного и милого меня?

— Эндрю Роденсторм, — ответила королева, — сын Филиппа Роденсторма, который был близким другом и при этом ещё каким-то дальним родственником Августа.

— Никогда с ним не пересекался, — нахмурился я, стараясь вспомнить лорда Роденсторма, но так и не смог. — Ну и ладно, думаю, мне ещё предоставится такая возможность.

— Мы отвлеклись от основного вопроса, — остановила меня её величество, — так вот, как только встанет вопрос о необходимости перемен на государственном уровне, я объявлю, что передаю всю власть тебе. И назову дату официальной коронации. Разумеется, все организационные вопросы будут заранее решены. О том, чтобы всё сохранилось в секрете, позаботится Вильгельм.

— Но к моменту коронации ты должен быть готов, Алекс, — добавила леди Синтия, — чтобы суметь не только получить корону, но и удержать её.

— На это у нас есть несколько месяцев, — решительно заявила матушка, — ты начнёшь заниматься прямо завтра. Изучишь изменения в законодательстве, внимательно прочитаешь досье на ключевые фигуры, поработаешь с Вильгельмом, с некоторыми другими людьми, в чьей верности нет сомнений, подумаешь, кого из своего нынешнего окружения ты хотел бы видеть рядом с собой. Господин Стайн их проверит и сообщит тебе о результатах. Основная работа, конечно, будет проделана доверенными людьми, но и тебе забот хватит.

— Да уж понятно, — невесело усмехнулся я, — надеюсь, покои у меня пока останутся прежними?

— Разумеется, — кивнула матушка, — для придворных и прочих заинтересованных лиц ты просто вернулся из гвардии, доказав всем и себе в том числе, что умеешь настоять на своём. Никто не должен знать о наших планах кроме тех, кто уже в них посвящён.

— И будь осторожен с теми, кто активно начнёт набиваться к тебе если не в друзья, то в приятели, — добавила леди Синтия, — совсем не отталкивай, но и близко не подпускай. Как сказал один очень мудрый человек: друзей надо держать близко, а врагов ещё ближе. Пусть крутятся неподалёку... Впрочем, об этом с тобой непременно поговорит Вильгельм, он намного лучше в подобных вещах разбирается.

— И не расстраивайся, сынок, — неожиданно мягко проговорила её величество, — такова твоя судьба. Ты родился в

королевской семье, поэтому изначально не был волен в выборе пути. Это просто нужно принять, Алекс, и постараться даже в этих жёстких рамках стать счастливым.

Прекрасное пожелание, жаль только, что практически невыполнимое. С другой стороны, а почему бы и не попробовать? Вдруг получится...

— Наверное, я пойду тогда к себе, — проговорил я, поднимаясь, — мне надо как-то постараться осмыслить всё, что вы так любезно на меня вывалили. Кстати, мой камердинер, Чарльз, он ещё здесь? Я, конечно, в гвардии привык обходиться без него, но здесь это, как мне кажется, уже излишние ограничения.

— Нет, Алекс, — матушка вздохнула, но как-то не слишком искренне, как мне показалось, — когда ты отправился на север, он не захотел прислуживать никому другому, получил неплохое выходное пособие за многолетнюю верную службу и уехал к дочери нянчить внуков. Но не волнуйся, у тебя будет новый камердинер, ничуть не хуже Чарльза, я уверена. Несмотря на молодость, у него уже есть опыт работы в подобной должности, и я уверена, что ты быстро к нему привыкнешь.

— Ну, выбора-то у меня, если я правильно понимаю, всё равно нет, — я посмотрел на её величество, — надеюсь, хотя бы графа Лорана при мне оставят? Должна же рядом быть хоть одна знакомая физиономия, правда?

— Это ты обсудишь с господином Стайном, — ловко

ушла от ответа матушка, — именно он занимается вопросами твоей безопасности. Пока тебе ничто не угрожает, так как заговорщики не считают тебя серьёзной фигурой на игровой доске. И пока они так думают, ты в безопасности. Поэтому, Алекс, постарайся ещё какое-то время поизображать самого обычного принца, который о троне и не помышляет. А из гвардии вернулся, во-первых, потому что надоело, а во-вторых, потому что устал жить на те копейки, которые я тебе выделяла.

— Не сердись на нас, Алекс, — мягко улыбнулась мне леди Синтия, — поверь, мы сделаем всё, чтобы ты как можно дольше оставался под защитой образа лоботряса и капризного бездельника. И, знаешь, было бы неплохо, если бы ты закрутил пару интрижек. Лёгких, ни к чему не обязывающих.

— Полагаю, имена тех прелестниц, на кого мне следует обратить внимание, мне назовёт господин Стайн? — проявил я чудеса сообразительности.

— Вот видишь, ты всё прекрасно понимаешь, — вздохнула матушка, — а теперь иди, Александр, отдохни. Думаю, после будней на северной границе тебе доставят удовольствие и горячая ванна, и хороший ужин, и удобная постель.

— Звучит очень соблазнительно, — не смог не согласиться я, — на севере много хорошего, но с комфортом там, к сожалению, достаточно напряжённо.

— Сегодня и завтра отдыхай, общайся с Вильгельмом, а завтра вечером я жду тебя на ужин, посвящённый твоему

возвращению. Он будет для узкого круга, человек на тридцать, не больше. Присмотрись, послушай, а потом расскажи, что ты заметил, хорошо? Тебя давно не было при дворе, поэтому ты, скорее всего, сможешь разглядеть что-то, ускользающее от нашего внимания.

— Хорошо, — кивнул я и, уже взявшись за ручку двери, спросил, — скажи, а у короля есть какая-нибудь часть жизни, которая принадлежит только ему?

— Мне не хочется тебя огорчать, сынок, но... нет, — с сожалением ответила её величество и махнула рукой, отпуская меня.

Глава 3

где мы убеждаемся, что жизнь порой бывает так удивительна, что уже не остаётся сил удивляться

За дверью матушкиных покоев я совершенно предсказуемо обнаружил господина Стайна, который внимательнейшим образом изучал гобелен на стене. Можно подумать, он раньше его не видел! Да наверняка каждую ниточку в нём помнит!

— Ваше высочество, — он слегка кивнул, подтверждая, что увидел меня, — позвольте вас проводить?

— Интересно, а что вы будете делать, если я сейчас скажу «нет»?

Я не вредничал, мне просто действительно было интересно, к тому же хотелось проверить, насколько далеко простирается лояльность главы Тайной полиции по отношению ко мне лично.

— Ничего не буду, — равнодушно ответил Стайн, — просто в следующий раз не стану спрашивать, а буду молча поступать так, как считаю нужным.

— Простите, господин Стайн, это было глупое ребячество, — повинился я, причём достаточно искренне, — конечно, я буду рад вашему обществу. Просто столько всего сразу навалилось...

— Понимаю и где-то даже сочувствую, — кивнул тот, — нам с вами нужно многое обсудить, ваше высочество. Впереди нас ждёт огромный объём работы, потому что задач у нас несколько, пути их решения различны, так что нам нужно будет составить график, который устроит всех.

Я молча пошёл в сторону своих комнат, и господин Стайн присоединился ко мне, отставая буквально на полшага, чтобы не нарушать этикет.

— Её величество сказала, что у меня будет новый камердинер, — притормозив на очередном повороте, сказал я, — не нужно быть особо сообразительным, чтобы понять: это ваш человек. Я ведь не ошибся?

— Мой, — совершенно спокойно подтвердил господин Стайн, — мне нужен сотрудник, который сможет быть одновременно и вашим личным доверенным слугой, присутствие которого рядом в вашем высочестве никого не удивит, и связным, через которого мы всегда сможем обмениваться информацией, не встречаясь лично. Поверьте, ваше высочество, я постарался подобрать человека, который максимально вам подходит. Надеюсь, Лукас сможет стать вашим надёжным помощником, телохранителем, ну и камердинером заодно. А там не исключаю, что и приятелем: можете не сомневаться, происхождение у него самое что ни на есть подходящее. Он младший сын заштатного барона, несколько лет назад приехавший в столицу. При себе молодой человек имел несколько золотых и здоровые амбиции нахально-

го провинциала. Совершенно случайно попал в сферу моих интересов, да так в ней и остался.

— Значит, его зовут Лукас, — зачем-то повторил я, — посмотрим, господин Стайн. Могу только пообещать, что приложу все усилия к тому, чтобы не создавать дополнительных проблем. Насколько я успел понять, нам их и без того достаточно.

— Абсолютно верно, ваше высочество, — невозмутимо проговорил Стайн, — о них-то я и планировал с вами поговорить сегодня. Можно, конечно, и завтра, но что-то подсказывает мне, что лучше не откладывать.

— Давайте сегодня, — вздохнул я, — особенно если меня покормят, а то я скоро ни о чём другом думать не смогу. Кстати, а куда вы дели моего друга?

— Вы о графе Лоране? — уточнил Стайн, словно у меня миллион друзей, и я всех их оставил с ним. — Я отправил его к генералу Флодингу с сообщением о том, что вы покинули расположение полка окончательно в связи с государственной необходимостью. Мы ведь не хотим дать нашим противникам в руки такой замечательный козырь, как обвинение в дезертирстве?

— А разве... — слегка растерялся я, — это было бы возможно?!

— Конечно, — слегка снисходительно ответил господин Стайн, и его узкие губы тронула тень улыбки, — я могу вас заверить, ваше высочество, что они этой возможностью

непрерывно воспользовались бы. А так господин граф привезёт прошение, подписанное её величеством, генерал Флоринг примет его, зарегистрирует, как положено, и вопрос будет закрыт.

— Ясно, — кивнул я, — а куда граф Лоран отправится потом? Или он останется на севере?

— Нет, что ему там делать, когда вы, ваше высочество, здесь, — отмахнулся глава Тайной полиции, — у вас пока не так много людей, которым вы можете доверять, так что разбрасываться ими мы никак не можем. Граф Лоран вернётся в столицу и займётся своими делами, тоже, несомненно, важными и интересными.

— Но не пересекающимися с моими, я правильно понимаю?

— Абсолютно, ваше высочество, — подтвердил Стайн мои самые худшие опасения, — у графа свои задачи, но он постоянно будет неподалёку, это я вам могу обещать.

— Ну хоть так, — обречённо вздохнул я, уже понимая, что скоро мокрый спальный мешок и отсутствие цивилизации покажутся мне милыми и приятными пустяками по сравнению с дворцовыми интригами, — но мне хотелось бы хоть иногда видеть рядом знакомое и дружелюбное лицо.

— Всё не так плохо, ваше высочество, — помолчав и бросив на меня внимательный взгляд, сказал господин Стайн, — вокруг вас будут не только те, кто желает вам зла, поверьте. Будут и искренне расположенные к вам люди, и те, кто

ещё не определился, на чью сторону встать, и те, кому все эти игры вообще не интересны.

— Это вдохновляет, — криво улыбнулся я, — а скажите, господин Стайн, на ваш профессиональный взгляд... я справлюсь?

К чести главы Тайной полиции он не стал с пеной у рта убеждать меня, что абсолютно уверен в моих способностях и силах. Он подумал, оценивающе взглянул на меня и лишь потом проговорил:

— Если не наделаете глупостей в ближайшие пару недель и не будете проявлять ненужную инициативу, особенно поначалу, то у вас есть все шансы выйти победителем в этой истории.

— А кому я могу доверять? Вот чтобы без оглядки на ситуацию и прочее?

— Хороший вопрос, — одобрительно кивнул господин Стайн, — он вселяет определённый оптимизм, ваше высочество. Ну что же, таких людей достаточно немного, хотя я уверен, что со временем их станет больше. Впрочем, круг доверенных лиц для короля всегда достаточно узок, как вы понимаете. Если же говорить о дне сегодняшнем, то это ваша матушка, её величество Жозефина, леди Мэнсфилд, граф Лоран, господин Норфильд, граф Холанд, ваш новый камердинер Лукас и я.

— Господин Норфильд — это управляющий сумасшедшим домом под названием «королевский замок», а господин

Холанд — начальник охраны, я правильно помню? — на всякий случай уточнил я.

— Совершенно верно, ваше высочество, — подтвердил господин Стайн, — это те люди, к которым вы спокойно можете повернуться спиной, не опасаясь получить под лопатку отравленный стилет, и рядом с кем вы можете быть собой.

— Негусто, однако...

— Такова доля будущего короля, ваше высочество, — ровно отозвался мой собеседник, — вопреки расхожему мнению, она не так сладка, как кажется издали.

— Вот совершенно с вами согласен, — сказал я и слегка притормозил, озадаченный внезапным вопросом, — а почему в этом крыле так мало слуг? Они же всегда шастают где попало, а тут тишина и покой? Я совершенно не против, но, согласитесь, как-то странно.

— Просто мы придержали информацию о вашем возвращении, ваше высочество, — объяснил мне господин Стайн, — поверьте, завтра здесь уже снова будет не протолкнуться от лакеев, горничных, стражников и придворных. Кстати, я посоветовал бы вам начать присматривать себе секретаря, он вам понадобится, и будет лучше, если это будет заранее проверенный человек.

— А могу я попросить вас взять на себя эту задачу?

Я вдруг понял, что совершенно не представляю себе, где и как я могу начать подбирать себе этого самого секретаря. До моего побега в гвардию, которым я так гордился и кото-

рый оказался очередной тщательно продуманной комбинацией господина Стайна, я вообще мало обращал внимания на то, кто меня окружает. Лакеи для меня были на одно лицо, из всех я выделял только Чарльза, да и то исключительно потому что он был рядом со мной с детства. Это не значило, что я относился к ним с презрением, нет, просто вы же не стараетесь запомнить «в лицо» летающих в парке голубей или бегающих по кустам котов? Вот и я так же: есть лакеи, есть горничные, стражники, бесчисленные фрейлины, пажи, адъютанты... но присматриваться к ним... Зачем?

Разумеется, я прекрасно знал своих наставников и тех придворных, с которыми пересекался по каким-то вопросам, но их было немного. А кто за что отвечал и кто что из себя представлял, я, к стыду своему, не интересовался. Вот буду когда-нибудь потом, очень нескоро, королём, тогда и разберусь: так я рассуждал тогда. А оно вон как повернулось...

— Если вы доверите мне это, то я постараюсь вас не разочаровать, ваше величество, — склонил голову господин Стайн, — а сейчас я прошу позволить мне удалиться. Когда вы будете готовы встретиться со мной, чтобы обсудить ближайшие планы?

— Давайте часа через два, — подумав, решил я, — кстати, господин Стайн, а где этот ваш Лукас?

— Полагаю, что он в ваших покоях, ваше высочество, — удивлённо взглянул на меня глава Тайной полиции.

— Ага, понятно... Тогда я жду вас через два часа у себя

в кабинете, господин Стайн. Надеюсь, за время моего отсутствия он никуда не делся.

После этого я вошёл к себе, а главный интриган королевства бодро зашагал куда-то по коридору, и мне даже показалось, что он насвистывает какой-то легкомысленный мотивчик, но, скорее всего, это мне послышалось.

Открыв дверь в комнаты, от которых за год с лишним успел порядком отвыкнуть, я увидел невысокого молодого человека примерно моих лет, может быть, года на три-четыре постарше, который, заложив руки за спину и покачиваясь с пяток на носки, с задумчивым видом смотрел в окно. Услышав щелчок дверного замка, он резко развернулся и с искренним интересом уставился на меня.

— Прошу прощения, ваше высочество, — он поклонился, — меня зовут Лукас, и я ваш новый камердинер. С разрешения мистера Норфильда я занялся разбором ваших вещей, а также заказал вам лёгкий завтрак прямо в комнаты. Его принесут с минуты на минуту.

— Завтрак — это прекрасно, — не стал спорить я, — потому что с едой у меня сегодня пока как-то не сложилось, к сожалению. А какие вещи ты имеешь в виду?

— С вашего позволения, ваше высочество, — бодро заговорил парень, — я успел пока только рассортировать вашу одежду и отложить ту, что уже не годится для выхода. За то время, что вы отсутствовали, мода несколько изменилась, и жабо в три ряда сегодня носят только дремучие провинци-

алы. К тому же цвет «пьяная вишня», который до недавнего времени использовался исключительно в дамской моде, теперь уверенно завоёвывает позиции в гардеробах столичных модников. К сожалению, портные появятся только завтра, когда новость о вашем возвращении станет доступной всем. Я позволил себе предположить, что ваши мерки изменились в связи с возросшими физическими нагрузками, поэтому прежние не годятся...

— Я понял, не таракти, — сказал я и камердинер послушно замолчал, преданно глядя на меня круглыми карими глазами, в глубине которых при определённом желании можно было рассмотреть смех и искреннее дружеское расположение.

— В ванной комнате всё готово для того, чтобы вы могли привести себя в порядок, ваше высочество, — продолжил Лукас, — а к тому времени, как вы примете ванну, уже принесут завтрак. Позвать цирюльника или вы сами сегодня?

— Это ты так деликатно намекнул на то, что выгляжу как бродяга? — хмыкнул я, чувствуя, что парень мне нравится и что мы, скорее всего, найдём общий язык. То, что он человек Стайна, меня почему-то совершенно не смущало: мало ли у кого какие недостатки. Я вот принц и будущий король, и что теперь?

— Если честно, ваше высочество, то вид у вас сейчас действительно не слишком презентабельный, — неожиданно хихикнул Лукас, ненадолго выходя из образа.

— А скажи, Лукас, — я внимательно посмотрел на парня, и тот тут же стал серьёзным, — насколько я понял, ты аристократ. Но при этом согласился играть роль камердинера, то есть, по большому счёту, лакея. Авернет, конечно, не повернутый на происхождении и родословных Бурмей, но тебя не смущает такое положение вещей?

— Нет, — спокойно ответил Лукас, — это моя работа, ваше высочество, и если королевству нужно, чтобы я какое-то время побыл лакеем, я это сделаю. Того, что меня кто-нибудь узнает, я не боюсь, так как из дома я уехал почти десять лет назад, и вряд ли кто-нибудь меня сможет вспомнить. Более того, я воспринимаю свою нынешнюю задачу как акт высочайшего доверия со стороны своего руководства. Охранять вас — это очень важно и достаточно непросто, ваше высочество. И я благодарен вам за то, что вы сразу решили поговорить об этом. Смиритесь с тем, что на какое-то время я стану вашей тенью. Для всех, кроме вас и господина Стайна, я протезе мистера Норфильда, старательный, слегка нагловатый, но знающий меру, порой болтливый, но при этом себе на уме.

— Интересная маска, — я покачал головой, — не боишься запутаться?

— Неа, — Лукас неожиданно широко улыбнулся, — не в первый же раз!

— Знаешь, — неожиданно для самого себя сказал я, повинаясь какому-то внезапному велению сердца, — наедине мо-

жешь обращаться ко мне просто по имени, без всяких «высочеств», я после года в гвардии стал намного проще к этому относиться. Тем более что, насколько я понимаю, ты в большей степени телохранитель, чем лакей. Этого добра тут и без тебя хватает.

— Благодарю за доверие, Александр, — очень серьёзно ответил Лукас, — ты не пожалеешь, поверь! Ну а теперь двигай в ванную, приводи себя в порядок, а то скоро придёт господин Стайн, и я получу первую в новой должности выволочку за то, что не позаботился о том, чтобы ты выглядел прилично.

— Он и это может?

— Иногда мне кажется, что он может вообще всё, — признался Лукас, — то есть абсолютно.

— Ладно, тогда я пойду, пожалуй, чтобы не стать причиной твоих неприятностей, — решил я и отправился в ванную.

Когда через полчаса, вымытый, причёсанный и даже выбритый, я появился в комнате, Лукас как раз застилал скатертью стол в просторном помещении, которое традиционно считалось буфетной, но в этом качестве никогда не использовалось. Раньше мне накрывали в малой столовой, где я и принимал пищу в компании наставников и нескольких придворных, которые каждый день менялись, потому я их даже не старался запоминать.

В дверь вежливо постучали, и Лукас отправился откры-

вать, а я сел за стол, старательно вспоминая, когда в последний раз ел в такой приличной обстановке, а не в походных условиях. Получалось, что год назад, чуть больше... Не могу сказать, что мне этого очень не хватало, но накрытый белой скатертью стол всё же нравился мне больше, чем перевернутая бочка из-под солонины.

Лакей ловко вкатил в комнату тележку, уставленную тарелками, и споро перегрузил их на стол, после чего так же оперативно испарился.

— Минутку, — остановил меня Лукас, когда я совсем уже было собрался переложить себе на тарелку здоровенный кусок одуряюще пахнущего мяса, политого каким-то сложным соусом.

В течение следующих пяти минут я с удивлением наблюдал, как мой камердинер проводит над тарелками рукой, в которой зажат небольшой невзрачный круглый камешек. Только проверив последнюю миску с какими-то нарезанным овощами, он кивнул мне, мол, вот теперь можно.

— Присоединишься?

— Ни в коем случае, — покачал он головой, — даже принц, которого пока никто не воспринимает всерьёз, не может себе позволить сидеть за одним столом с лакеем. Я потом, пока ты будешь занят с господином Стайном, на кухне поем, заодно послушаю, что говорят по поводу твоего возвращения. Слухи-то наверняка уже поползли.

— А что ты проверял? — спросил я, с наслаждением

вгрызаясь в сочный мясной бок.

— Наличие посторонних ингредиентов, — усмехнулся Лукас, — вряд ли, конечно, тебя попытаются отравить так скоро, но, как говорится, бережёного боги берегут.

— Отравить?!

Я чуть не поперхнулся, так как вдруг понял, что всё это по-настоящему, всерьёз. И осознание этого факта подействовало на меня примерно как ковш ледяной воды, вылитый за шиворот.

— Вижу, что проняло, — верно истолковал смену выражений на моей физиономии камердинер, — это хорошо, потому как ближайшие полгода как минимум тебе будет угрожать реальная опасность. И чем осторожнее ты будешь, тем проще нам будет тебя защищать, Александр.

— Нам?

— Тем, кто заинтересован в том, чтобы на троне сохранилась нынешняя правящая семья, — спокойно ответил этот загадочный парень, — к счастью, таких достаточно много.

Глава 4

где становится ясно, что королевский замок — это одна большая дружная семья, но, к сожалению, неблагополучная...

К тому времени, как Лукас доложил о приходе господина Стайна, я уже успел передумать столько всего, что отвыкшая от интенсивной работы голова начала болеть. К собственному удивлению я понял, что меня почему-то невероятно задела брошенная камердинером фраза о том, что меня, оказывается, никто не воспринимает всерьёз. Вдруг стало ужасно обидно, хотя я никогда не стремился к тому, чтобы обо мне говорили и вообще как-то соотносили с королевским семейством. Меня вполне устраивала моя жизнь, а вот, оказывается, и мне не чуждо обычное человеческое честолюбие.

— Скажите, господин Стайн, а вы тоже не воспринимаете меня всерьёз? — спросил я, как только посетитель с комфортом разместился в кресле возле большого письменного стола, с которого уже успели стереть накопившуюся за год пыль. Хотя, наверное, никакой пыли не было, всё же покои принца, пусть и такого... бесполезного.

— Интересный вопрос, ваше высочество, — ничуть не удивившись, ответил глава Тайной полиции, — но, согласитесь, для того, чтобы заслужить уважение окружающих и за-

работать авторитет, нужно нечто чуть более существенное, чем побег в гвардию на северные границы. Хотя это было достаточно неожиданное решение, и его вполне можно будет использовать в процессе создания вашего имиджа, ваше высочество.

— Господин Стайн, прошу вас, называйте меня наедине просто Александром, так будет проще и быстрее, — попросил я, — тем более что уж вы-то, как я теперь понимаю, знаете меня лучше остальных. Возможно, даже лучше меня самого.

— Хорошо, Александр, — не стал спорить главный полицейский Авернета, — тогда и вы можете обращаться ко мне по имени. А теперь давайте перейдём к тем вопросам, ради которых я, собственно, и пришёл.

— Давайте, — вздохнул я, — а то я понял, что вообще ничего ни о ком и ни о чём не знаю. Мне просто раньше это было не интересно, понимаете?

— Конечно, — на какую-то долю секунды в голосе Стайна мелькнуло простое человеческое сочувствие, — но этот период вашей жизни остался в прошлом и, поверьте, уже никогда не вернётся. Понимаете, Александр, процесс замены одного монарха на другого достаточно сложен, и если он уже запущен, то остановить его нельзя. Слишком много у этой паутины нитей, слишком тесно они переплетены и слишком уязвимыми являются некоторые моменты. Сейчас наш главный уязвимый момент — вы.

— Ну не совсем же я бестолковый, — мне стало по-настоящему обидно, — я, между прочим, вполне прилично учился, штудировал законы, чуть ли не наизусть знаю полтора десятка уложений и так далее.

— Прекрасно, Александр, — с готовностью кивнул Стайн, и я тут же пожалел о своей несдержанности, — тогда скажите мне, пожалуйста, какое наказание следует... ну, например, за несанкционированное пересечение границы с Риторией? Нарушитель — сорокалетний мужчина, владелец небольшой лавки, торгующей тканями и кружевами.

Я сосредоточился, но с ужасом понял, что все знания, которые наставники умудрились запихнуть в мою бестолковую — приходится признать этот факт — голову, перемешались в одну невнятную кучу сведений.

— В соответствии со статьёй 17 Уложения о правонарушениях королевства Авернет, — начал я, мучительно выуживая из памяти нужные сведения, — такое правонарушение карается заключением под стражу сроком на три месяца и наложением штрафа в размере трёхсот золотых. Получение разрешения обошлось бы ему намного дешевле.

— Неудовлетворительно, — припечатал Стайн, глядя на меня с откровенной насмешкой, — во-первых, это не просто статья 17, это Приложение к ней от 3 240 года от Исхода богов, в котором оговаривается, что если правонарушение совершено лицом, занимающимся торговлей непродовольственными товарами, то штраф возрастает до 500 золотых

или может быть заменён безвозмездным предоставлением товаров на аналогичную сумму. Но так как я специально оговорил, что нарушитель — сорокалетний мужчина, то, вполне возможно, у него есть несовершеннолетние дети, что станет основанием для смягчения приговора. Во-вторых, разрешение обошлось бы ему не дешевле, так как ткани, а особенно риторийское кружево входят в перечень товаров, облагаемых двойным налогом. Вы не задали ни одного уточняющего вопроса, следовательно, сделали неправильные выводы. Король не может позволить себе подобной небрежности, Александр. Особенно поначалу, когда вас только ленивый не будет пытаться обмануть или проверить на прочность.

Я покраснел и опустил голову, так как Стайн, несомненно, был прав, а я, хоть и занимался с преподавателями, но знания пока были просто грузом ненужной информации.

— Ничего страшного, Александр, просто пока вам все эти сведения были не нужны, а знания оставались исключительно теоретическими. Поэтому с сегодняшнего дня вы станете заниматься не с университетскими профессорами, как это было раньше, а с теми, кто ежедневно сталкивается с практическим применением законов во всём их многообразии.

— Благодарю, Вильгельм, — я склонил голову, мысленно давая себе слово стать настолько старательным учеником, насколько это вообще возможно, — может быть, вы подберёте мне аналогичных педагогов и по другим необходимым мне дисциплинам?

— Непременно, — кивнул Стайн, — но начнём мы именно с внутреннего законодательства, и двинемся дальше только после того, как господин Маршалл скажет мне, что он удовлетворён вашими знаниями. Он придёт сегодня после обеда и обсудит с вами план занятий. А мы пока займёмся другими вопросами. Скажите, Александр, насколько вы посвящены в то, кто и кем является во дворце?

— Что вы имеете в виду? — не понял я. — Господин Норфильд...

— Я не об этом, — перебил меня Стайн, — в том, что вы знаете, кто какую должность официально занимает во дворце, я не сомневаюсь. Во всяком случае если говорить о ключевых постах, — добавил он, увидев виноватое выражение моего лица.

Следующие два часа превратились для меня в форменный кошмар: Стайн совершенно безжалостно заставлял меня запоминать, кто кому и кем приходится, кто с кем состоит в родственных или дружеских связях, кто кого терпеть не может, а кто в отношении кого имеет далеко идущие планы. Когда мы разобрались, наверное, с десятой частью придворных, имеющих влияние в дворцовых кулуарах, я взмолился о пощаде.

— Сейчас посмотрим, — безжалостно ответил Стайн, — скажите мне, кто стоит за бароном Флоссером, и почему его до сих пор не выгнали из Комиссии по градостроительству поганой метлой?

— Баронесса Флоссер, в девичестве Хардрайт, является родственницей бывшего канцлера, герцога Эттера, который до сих пор обладает немалым влиянием в южных провинциях. Герцог к родственнице относится хорошо, поэтому и её мужа поддерживает. Конфликт же с бывшим канцлером чреват осложнениями на юге, что никому не надо, — отбарабанил я.

— Неплохо, — одобрительно кивнул Стайн, — продолжайте в том же духе, Александр. Потом вы увидите, насколько важны именно подобные знания. Не понимаю, почему её величество не побеспокоилась об этом раньше! Да и я хорош: занялся другими вопросами, а этот совершенно упустил из виду. Ну ничего, немного времени у нас ещё есть. Оставляю вам, ваше высочество, вот эти досье, когда закончите сегодняшние занятия, почитайте их. Уверяю вас, это увлекательнейшее чтение!

Сказав это, главный интриган Авернета вежливо попрощался и откланялся, а я остался осмысливать произошедшее.

Неужели ещё сегодня утром мне казалось, что отсыревшая одежда и намокший спальный мешок — это действительно серьёзные проблемы?!

Следующая мысль была о том, что все предыдущие годы, как оказалось, я занимался не тем и не так: мои академические познания, которых, честно говоря, тоже было не так чтобы много, никому не нужны. Но почему мне никто

не сказал об этом раньше?! Я бы, наверное, отнёсся к учёбе намного серьёзнее... хотя кого я пытаюсь обмануть? Самого себя? А смысл?

Судя по всему, в ближайшие несколько месяцев мне придётся очень и очень непросто: нужно будет не только освоить огромный пласт информации, но и перестроить своё внутреннее отношение к происходящему. И именно это, наверное, и будет самым сложным.

Раз мне суждено стать королём намного раньше, чем я предполагал, значит, нужно просто принять этот факт как данность. Не возмущаться, не стонать, а максимально серьёзно подойти к вопросу и возблагодарить всех богов за то, что они дали мне такого помощника, как Вильгельм Стайн.

Ну что же, господа заговорщики! Вам нужны были свежая кровь и король, открытый новым веяниям? Отлично, я вам его обеспечу, причём сделаю это так, что вы будете вспоминать спокойные годы правления королевы Жозефины как самое чудесное время в вашей жизни.

С этими мыслями я позвал Лукаса, велел ему позаботиться об обеде и о том, чтобы ко мне сразу же пропустили некого господина Маршалла, как только он появится. Хотел было отдать несколько распоряжений по поводу небольшой реорганизации своих комнат, но вовремя вспомнил, что я пока вроде как не вернулся. Понятно, что шила в мешке не утаишь, как говорят в народе, но и афишировать возвращение команды пока не было.

— Как хорошо было в гвардии, — задумчиво сообщил я своему отражению, остановившись перед зеркалом, — есть приказ, который надо выполнить, и никаких тебе размышлений, сомнений и моральных терзаний. Может, вернуться?

Отражение от ответа благоразумно воздержалось, явно не желая в случае чего быть крайним, и я его прекрасно понимал.

Выглянув в соседнюю комнату и убедившись, что Лукас ещё не вернулся, я взял одно из трёх досье, оставленных Стайном, и устроился в кресле. Документы касались графа Теодора Терлинга, казначея, о котором я, к стыду своему, не знал ничего кроме имени и должности. Высокий, сутулый, постоянно чем-то недовольный, господин Терлинг всегда казался мне фигурой до отвращения скучной и унылой. Поэтому начал читать я без малейшего интереса, исключительно потому что это было заданием Стайна. Можно было даже не сомневаться в том, что он непременно проверит, ознакомился ли я с досье. И что-то подсказывало мне, что если Вильгельм обнаружит, что его задание не выполнено, мало мне не покажется.

Но через несколько минут я забыл обо всём, с головой погружившись в мир чужой тайной жизни. Оказалось, что господин казначей — человек очень увлечённый. Жаль только, что все его увлечения являлись незаконными, и в досье все они были подробнейшим образом перечислены и описаны. С датами, адресами, показаниями очевидцев и протокола-

ми допросов. Никогда бы не подумал, что скучнейший граф Терлинг является страстным защитником юных девушек, в судьбе которых старается принять посильное участие: пристраивает их в надёжные руки содержателей борделей, чтобы бедняжки не страдали от непосильного крестьянского труда. А ещё господин казначей оказался очень душевным и щедрым человеком, так как лично снарядил несколько кораблей с зерном для голодающих провинций во время позапрошлого годней засухи. И то, что на корабли напали пираты, которых отродясь в тех водах не было, так это просто трагическое стечение обстоятельств! Эти мерзавцы украли всё зерно, а корабли потопили! А то, что через месяц у господина казначея появился новый симпатичный домик в Ритории — так это просто совпадение, не более того. Все остальные милые радости господина Терлинга меркли на фоне этих, но тоже были небезынтересны.

Да, имея на руках такие компрометирующие данные, можно вертеть человеком как угодно, потому как проще проголосовать за нужный закон или подписать необходимый документ, чем давать показания в суде, а потом отправиться в лучшем случае в каменоломни, а в худшем — на вечное поселение в каменную тюрьму в далёких северных горах.

Я собрал досье и положил их в ящик письменного стола, размышляя о том, что мне, пожалуй, понадобится тайник, о котором не будет знать никто, даже господин Стайн и его люди. Мало ли что мне захочется спрятать? И я даже пример-

но знал, где я этот тайник оборудую. Осталось только придумать, как пробраться к нужному месту тайком от наблюдателей. А в том, что за мной внимательно наблюдают, я даже не сомневался: наверняка у ведомства господина Стайна нет недостатка в артефактах типа легендарного «глаза».

Ладно, об это я подумаю потом, когда наступит ночь и все законопослушные авернетцы лягут спать. Додумать мне не дал заглянувший в комнату Лукас.

— Ваше высочество, — проговорил он, и из его официального обращения я сделал вывод, что мы не одни, — к вам господин Маршалл.

— Замечательно, Лукас, — я с определённым трудом вытащил себя из кресла, — пригласи его сюда. Мы поговорим, а потом я быстро пообедаю.

Камердинер поклонился и исчез, а через пару минут в кабинет вошёл невысокий невзрачный человек в форменном камзоле судейского приказа.

— Господин Маршалл?

— Ваше высочество, — он согнулся в поклоне, впрочем, полном скрытого достоинства, — господин Стайн поручил мне провести с вами несколько занятий, касающихся практического применения внутреннего законодательства Авернета.

— Да, он предупредил меня, — я приветливо улыбнулся человечку, — проходите, прошу вас, господин Маршалл. Кстати, для экономии времени... не откажетесь составить

мне компанию за обедом, хотя полноценной королевской трапезой это назвать, конечно, сложно? Но после солонины, не самого свежего хлеба и сезонных овощей я от дворцовой кухни просто в восторге.

— За обедом?

Кажется, мне удалось по-настоящему удивить господина Маршалла, но он достаточно быстро справился с потрясением и с благодарностью принял приглашение. Мы прошли в буфетную, где Лукас уже накрывал стол на две персоны, видимо, услышав наш разговор.

— Сегодня у меня всё по-простому, — объяснил я, — все эти торжественные завтраки, обеды и ужины в присутствии придворных начнутся с завтрашнего дня. И, поверьте, эти изменения не доставят мне ни малейшей радости.

За обедом нам прислуживал Лукас, и мы прекрасно провели время, разговаривая о самых нейтральных вещах типа погоды, видов на урожай, о которых я не имел ни малейшего представления, и о службе в северных краях.

А затем мы с мистером Маршаллом вернулись в кабинет, и начался очередной кошмар. Этот невзрачный человечек знал, казалось, все законы с прилагающимися к ним дополнениями, комментариями к дополнениям и пояснениями к комментариям. Я проникся к нему самым искренним уважением, так как совершенно не представлял, как можно держать в голове все эти даты, цифры, названия циркуляров и номера документов. При этом практически каждый закон он

иллюстрировал примерами из практики, показывая, как могут толковаться те или иные слова. И надо признать, что за три часа, проведённые в компании господина Маршалла, я узнал о законах Авернета больше, чем за несколько месяцев занятий с университетским преподавателем, профессором юриспруденции.

— На сегодня достаточно, ваше высочество, — наконец-то проговорил мой новый наставник, с лёгкой насмешкой глядя на мою одуревшую физиономию, — полагаю, что на пока вам информации хватит. А завтра мы с вами продолжим изучение законов, регулирующих права ремесленников и торговцев.

— Благодарю вас, господин Маршалл, — совершенно искренне проговорил я, — надеюсь, я смог запомнить хотя бы часть того, что вы так старались вложить в мою отвыкшую от занятий голову.

— Если забудете, то мы всегда сможем вернуться и повторить.

Возможно, мне померещилось от усталости, но в голосе господина Маршалла прозвучало откровенное ехидство.

— Скажите, господин Маршалл, вы, наверное, являетесь одним из заместителей министра юстиции? Такие удивительные познания...

— Ну что вы, ваше высочество, — он мягко улыбнулся, — я всего лишь скромный секретарь королевского суда.

Глава 5

в которой выясняется, что и от детских воспоминаний иногда бывает практическая польза...

К вечеру первого дня, проведённого в родительском замке, я чувствовал себя так, словно преодолел горный хребет, а то и не один, причём с заплечным мешком, под завязку набитым камнями. У меня болело абсолютно всё, хотя никаких физических нагрузок на мою долю сегодня не выпало. Но оказалось, что стресс в сочетании с усиленной умственной деятельностью утомляют гораздо сильнее, чем простые и понятные упражнения на выносливость. Стоило прикрыть глаза, как в голове начинали мелькать фамилии и имена, названия городов и коды постановлений, цифры и порядковые номера, даты и титулы.

Рухнув в кресло, я мрачно подумал о том, что если это и есть реальная жизнь короля, то ну её на фиг, пусть заговорщики сами со всем этим мучаются. А то ведь они наверняка тоже представляют себе будни монарха несколько по-другому. В ином случае они не боролись бы за трон с энтузиазмом, достойным лучшего применения.

Понятно, что вслух я ничего такого не говорил, просто потому что, во-первых, жаловаться было некому, а во-вторых, смысла в этих страданиях не было ни малейшего. Понятно,

что и подготовлюсь, и научусь, и корону приму, и править буду... А что без особого удовольствия — так кто ж нас, королей, спрашивает-то?

Чтобы не уснуть прямо в кресле, не дождавшись ужина, я взял следующее досье: нужно же изучить. Вдруг оно окажется не менее интересным, чем предыдущее, касающееся канцлера Терлинга.

На папке с документами было от руки написано имя одного из аристократов, графа Георга Баррингтона, который не занимал, насколько я знал, никакой серьёзной должности, но при дворе ошивался постоянно. Во всяком случае я не мог вспомнить ни одного более или менее крупного приёма, на котором он не присутствовал бы. Раньше я даже не задумывался, почему так происходит, но сейчас, после того, как я узнал столько нового о канцлере, я взялся за изучение документов с совершенно искренним энтузиазмом. Надо сказать, что содержимое досье превзошло мои самые смелые ожидания: я даже не предполагал, что аристократы Авернета живут настолько насыщенной и интересной жизнью!

Шалостей, которые позволял себе граф Баррингтон, вполне хватило бы на несколько пожизненных сроков в самой далёкой и глубокой горной тюрьме. Но при этом я понимал, что сила компрометирующих документов иногда не в том, чтобы служить доказательством в суде, а в том, чтобы быть сдерживающим фактором, позволяющим держать шалунишку-графа на коротком поводке. Посадить его, конечно, можно, но

на смену ему придёт другой точно такой же, если не хуже. И чтобы изменить ситуацию, необходимо начинать издалека, заранее подбирая надёжные кадры, обучая их и воспитывая.

Каким бы я ни был балбесом и разгильдяем, но и абсолютным дураком меня назвать никто не решился бы. Поэтому я прекрасно понимал, для чего Стайн собирает эти досье, и для чего он их сейчас мне показывает.

Присмотревшись повнимательнее, я убедился, что в руках у меня не подлинники, а очень качественные копии, сделанные с помощью магии. Значит, я правильно просчитал замысел господина Стайна: он выдал мне важные документы и теперь хочет посмотреть, как я использую полученные сведения и какие далеко идущие выводы сделаю. Что же, это более чем разумно и обижаться тут совершенно не на что. Правильно он сказал: уважение, доверие и авторитет ещё надо заслужить, а я пока ничего для этого не сделал.

В соответствии с законами Авернета любое решение короля, если оно затрагивает серьёзные моменты, требует одобрения Совета, в который входят представители наиболее влиятельных аристократических семей. И если не заручиться заранее поддержкой большинства, можно оказаться в идиотской ситуации: любое предложение, даже самое разумное, может просто «повиснуть в воздухе».

Все эти, несомненно, очень правильные мысли крутились у меня в голове до самого позднего ужина, во время которого Лукас развлекал меня пересказом последних дворцовых

сплетен. За неполный час я выяснил следующее: во-первых, её величество Жозефина собирается отбыть на воды, чтобы как бы укрепить здоровье, но на самом деле она просто вывозит в свет своего нового фаворита, сына герцога Лонгвиля, красавчика Рафаэля. Во-вторых, королева отозвала с северных границ сына, то есть меня, чтобы обручить с малолетней дочерью короля Тулина, которой на данный момент не то три, не то четыре года. В-третьих, господина Стайна видели выходящим из элитного борделя Старой Мэри, что говорит о том, что ничто человеческое ему, как ни странно, не чуждо. В-четвёртых, старый герцог Сент-Мор активно ищет невесту для сына, но почему-то никак не может найти, несмотря на богатство и древность рода. Говорят, он проявлял интерес к внучке леди Мэнсфилд, малышке Монике, но получил категорический отказ. Поговаривали, что с этими Сент-Морами явно что-то не так, но подробностей никто не знает. В-пятых, в «ведьминой башне» летнего дворца снова слышали шум и странные не то стоны, не то вздохи.

Внимательно выслушав Лукаса и подивившись вместе с ним неукротимости и безграничности народной фантазии, я, сославшись на усталость, отправился к себе. Несмотря на то, что больше всего мне действительно хотелось упасть в постель и не отрывать голову от подушки до самого утра, у меня было дело, которое я никак не мог отложить.

Убедившись, что камердинер отправился на кухню за ужином для себя и попутно за очередной порцией сплетен, я

закрыв дверь и, взяв в умывальне полотенце, завернул в него выданные господином Стайном досье. После этого выбрал в шкафу самые простые брюки и максимально тёмную рубашку, переоделся, смастерил из диванных подушек нечто, отдалённо напоминающее человеческую фигуру, накрытую одеялом, и направился к большому камину, который использовали в крайне редких случаях, так как дворец уже давно отапливался посредством труб с горячей водой, поступающей из неиссякаемого подземного источника.

Камин был настоящим произведением искусства, особенно каминная полка, украшенная мастерски вырезанными из камня фигурками людей и животных. Нажав последовательно на некоторые из них, я дождался негромкого щелчка, потом трижды повернул вокруг своей оси самую правую фигурку, дождался следующего подтверждающего знака, и уже только потом надавил на центральный завиток отделки. После этого послышалось тихое басовитое жужжание, и камин бесшумно отъехал в сторону, открыв тёмный проход, уводящий куда-то вглубь замковой стены.

Надо сказать, что дворец, как и любое здание, где обитают правители государства, был испещрён тайными ходами, как горный кряж туннелями, пещерами и расщелинами. Карта потайных ходов передавалась от отца к сыну, но существовали и такие, которые не упоминались нигде. Располагались они в спальнях, так как большинство переворотов происходит по ночам, когда король или принц сладко спит. И такой

тайный, никому не известный ход должен был дать представителю правящей семьи шанс спастись даже в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Карту, на которой было указано подавляющее большинство секретных ходов, отец передал мне, как и положено, в день, когда мне исполнилось шесть лет, и я ни секунды не сомневался, что у господина Стайна есть точная копия этой карты. А вот этот ход и ещё один, идущий из его кабинета, отец показал мне где-то через год, объяснив, что к чему, и строго-настрого велел никому об этом не рассказывать. Ребёнком я был сообразительным и достаточно послушным, поэтому сразу ничего никому не рассказал, а потом вообще благополучно забыл обо всём, вспомнив лишь несколько лет назад. Оказалось, память бережно хранила все инструкции, и я сумел открыть этот по-настоящему секретный ход. Пройдя его до самого конца, я выяснил, что тянется он на несколько миль и выходит на поверхность достаточно далеко от столицы, в погребе заброшенного дома в лесу. При этом открыть дверь можно только изнутри: снаружи её никто просто не заметит. Хорошо, что тогда я не стал экспериментировать и не позволил двери захлопнуться, а то пришлось бы мне тащиться пешком в город, а потом объяснять, как так получилось, что принц ночью оказался демону знает где. Пришлось бы раскрывать тайну прохода, а этого я делать категорически не хотел.

Сейчас же я не планировал идти до конца, и поэтому, поз-

волив двери беззвучно закрыться за мной, неспешно отсчитал сто сорок два шага. Опустился на колени и нашарил в полумраке — ума на то, чтобы прихватить с собой небольшой магический светильник, у меня всё же хватило — крышку люка, разгрёб пыль и потянул кольцо вверх. Пришлось немного попотеть, так как в отличие от входного механизма, защищённого магией, тайник был самым простым и, следовательно, благополучно заржавел за прошедшие годы. Опустив в него извлечённые из полотенца бумаги, я аккуратно закрыл крышку, присыпал её пылью и, кое-как отряхнув колени, двинулся на выход. Вряд ли, конечно, я кому-нибудь понадобился за это время, но лучше не рисковать.

Нажав на нужные кирпичи, я дождался необходимых щелчков и выбрался наружу. Все детали потайного хода почти бесшумно встали на свои места, надёжно сохранив спрятанные мной документы. Пригодятся...

Умывшись и запихнув пыльную одежду в самый дальний ящик шкафа, я с чувством выполненного долга завалился на кровать и негромко застонал от удовольствия: чего уж говорить... кровать гораздо комфортнее спального мешка.

Видимо, год, который я провёл в гвардии, всё же закалил меня, так как проснулся я вполне свежим и бодрым, и даже предстоящий ужин в узком кругу из трёх десятков придворных не мог испортить моего настроения.

Господин Стайн навестил меня сразу после завтрака, чтобы напомнить о предстоящих занятиях с господином Мар-

шаллом, который придёт снова после обеда.

— Кстати, Александр, вы изучили бумаги, которые я передал вам вчера? — небрежно поинтересовался он, уже поднимаясь, чтобы уйти.

— О да, занимательнейшее чтение! — абсолютно искренне воскликнул я. — Не хуже какого-нибудь модного приключенческого романа.

— Совершенно с вами согласен, — едва заметно улыбнулся Стайн, — рад, что вам было интересно. Тогда, если не сложно, верните мне их, пожалуйста, Александр.

— Мне так жаль, господин Вильгельм, но я не могу этого сделать!

Я соорудил самую виноватую физиономию из всех, какие только были у меня в запасе, и душераздирающе вздохнул.

— Почему?

Стайн смотрел на меня без гнева, скорее, с вежливым любопытством, мол, а что случилось?

— Я их потерял, представляете?

— Пока не очень, — по-прежнему невозмутимо ответил этот интриган, — вы их выносили из покоев? Вообще-то, с секретными документами так не поступают, ваше высочество.

— Нет, ну что вы! Я правила помню! Я вчера читал их, восхищался и, можно сказать, даже в чём-то завидовал, а потом раз — и потерял! Всюду смотрел — нигде нету! Но я надеюсь, это были копии, господин Вильгельм?

— Разумеется, — кивнул Стайн, оценивающе разглядывая меня, — я высоко ценю способности вашего высочества, но не настолько, чтобы таскать по дворцу подлинники секретных документов.

— Ну и слава всем богам, — широко улыбнулся я, — а что до того, что они потерялись, так оно ведь как посмотреть, знаете ли. Вот так вот однажды раз — и вдруг найдутся, причём в самый подходящий момент. Сами знаете, так часто случается, правда?

— Не стану с вами спорить, Александр, — кивнул Стайн, пряча довольную ухмылку.

— Хотел попросить вас, Вильгельм, — я стал серьёзным, — не могли бы вы принести мне ещё что-нибудь подобное, чтобы почитать перед сном. Очень интересно живут некоторые представители высшего света, знаете ли. Прямо вот взял бы да и... наградил, честное слово!

— Охотно верю, — не стал спорить глава тайной полиции, — конечно, я принесу вам пару любопытных досье, и даже не стану возражать, если их вы тоже потеряете. Главное, чтобы они терялись надёжно, так, знаете, всерьёз терялись, чтобы вообще никто не нашёл, даже я.

— А давайте мы сделаем так, — с азартом предложил я, и господин Стайн насмешливо выгнул бровь, — вы поищите, а если не найдёте, то принесёте мне следующую партию. Ну а если вдруг отыщете, что вряд ли, то я признаю, что рано мне работать со столь серьёзными документами.

— Любопытно, — помолчав, согласился Стайн, — но предупреждаю, Александр, искать буду я сам, никому не доверю, разве что Лукаса в помощники возьму.

— Договорились, — засмеялся я, — когда займётесь?

— А вот пока вы будете на торжественном ужине у её величества, я и развлекусь, — он довольно потёр руки, ненадолго даже вынырнув из-под своей обычной маски, — вы меня заинтриговали.

— Мне тоже интересно, каким будет результат, — мы обменялись рукопожатиями, скрепляя наше неофициальное пари.

Глава 6

в которой разговоры разговариваются, приказы приказываются, а подготовка, соответственно, подготавливается...

День пролетел почти незаметно, если не считать того, что новость о моём возвращении таки стала достоянием заинтересованной общественности. В связи с этим ко мне всё время кто-то пытался прорваться, дабы засвидетельствовать своё искреннее почтение и сообщить о том неземном восторге, который он испытал, узнав о моём возвращении под отчий кров.

Надо сказать, что тут я впервые убедился в том, что в плане кадровой политики господину Стайну просто нет равных. Впрочем, в остальных областях, наверное, тоже...

Я испытывал чистый, незамутнённый восторг, когда слушал, как Лукас исключительно вежливо, но непреклонно отказывал всем желающим нарушить мой покой. Его ответы не отличались разнообразием, но фразу «Его высочество занят и никого не принимает» он умудрялся произносить с такой восхитительной смесью почтения и высокомерия, что просто прелесть!

К счастью, от дворцового протокола тоже бывает польза, поэтому вскоре возле дверей в мои покои встала положенная

мне по статусу охрана, в коридоре снова начали слоняться лакеи и пажи, делающие вид, что они чрезвычайно чем-то заняты, а на самом деле старательно собирающие малейшие крохи информации.

Я велел позвать ко мне управляющего, господина Норфильда, и подробно объяснил ему, что именно хочу изменить в своих покоях, в частности, в кабинете, который нужно перенести в более просторную комнату и соединить с библиотекой. Ах, у меня нет библиотеки? Очень плохо, господин Норфильд, очень... Вы уж постарайтесь, чтобы она как можно быстрее появилась, так как таково моё желание. Да, вполне сгодится та, что была рядом с кабинетом короля Августа.

Занятия приходилось то и дело прерывать, поэтому в итоге мы с господином Маршаллом договорились о том, что встретимся уже завтра, потому как сегодня поработать спокойно явно не дадут.

Как выяснилось совсем скоро, мы поступили абсолютно правильно, так как господина Норфильда сменил портной, сопровождаемый целой бандой помощников. В ходе его визита я стал обладателем вороха абсолютно ненужной мне информации о последних веяниях столичной моды, в частности, о том, что камзолы нынче носят однотонные, зато воротники рубашек украшают золотой или серебряной вышивкой. Ну и так далее и тому подобное... В какой-то момент я просто отключил сознание и только послушно поворачивал-

ся, позволяя снимать с себя мерки. Через час портной откланялся, заверив меня, что часть гардероба будет готова уже завтра, а к сегодняшнему ужину мне в срочном порядке переделают один из тех парадных костюмов, что на меня хоть как-то налезает. Я, оказывается, здорово раздался в плечах за последний год!

Затем явился цирюльник, долго и вдохновенно стонавший над моей изрядно отросшей шевелюрой. Его намёки на то, что в этом сезоне в моде длинные локоны, я проигнорировал самым бессовестным образом, велев просто привести мои волосы в порядок и слегка подстричь, чтобы не торчали в разные стороны.

Когда и он наконец-то оставил меня в покое, я испытал просто невероятное облегчение. Честное слово, лучше бы лишние три часа с господином Маршаллом прозанимался: и толку больше, и удовольствия.

Выдохнув, я попросил Лукаса пригласить ко мне господина Стайна, если у него найдётся для меня время. Камердинер передал моё распоряжение, странно посмотрел на меня и в ответ на мой вопросительный взгляд пояснил:

— Ты будущий король, Александр, у твоих подданных, кем бы они ни были, просто не может не быть для тебя времени. Привыкай к этому. Ты мог просто сообщить, что желаешь видеть господина Стайна, причём немедленно. И, уверяю тебя, те лакеи, которые всё равно страдают от безделья в коридоре под дверью, тут же отправились бы на его поиски.

Странно, что я тебе это всё объясняю.

— Понимаешь, я ведь во дворце жил очень мало, — признался я, — а в этом, основном, так и вообще в исключительных случаях. Мне всегда больше нравился летний дворец, там и народу поменьше, и вообще потише как-то, но её величество его не любит из-за «ведьминой башни» и ещё каких-то неприятных воспоминаний, поэтому и я сейчас здесь. Потом, возможно, перенесу свою основную резиденцию туда, а этот замок полностью матушке оставлю.

— А что за «ведьмина башня»? Я про это вообще не слышал, — тут же заинтересовался камердинер.

— Во дворе летнего дворца стоит каменная башня, в которой всегда жила официальная королевская ведьма, раньше была такая должность, — начал рассказывать я, — последней была Марготт Ольсен, она тоже жила в башне вместе с мужем, Горацием Ольсеном, тоже магом, но, говорят, достаточно слабым. Королевская ведьма, если между нами, была человеком очень полезным. Мало того что она следила за здоровьем монарха и его близких, так она ещё и артефакты настраивала на каждого члена семьи, и амулеты нужные делала, и предсказывала много чего. Говорят, отец поссорился с Марготт именно из-за того, что ему не понравились её предсказания, вроде как она убеждала его отказаться от каких-то действий, а он упёрся... Я точно не знаю, мне не рассказывали, сам понимаешь. Ходили, правда, слухи, что дело было не в предсказании, а в том, что Марготт отказала коро-

лю и не захотела стать его фавориткой. По слухам, несмотря на возраст и наличие взрослой дочери, она была очень эффектной женщиной. И, если откровенно, эта версия мне кажется более жизнеспособной. Я отца помню не очень хорошо, урывками, но характером король Август обладал препаскуднейшим. И это, как говорится, исторический факт. После ссоры ведьмы с королём начались гонения на магов, но они не стали сражаться, а просто в один не очень прекрасный день собрались и сбежали из Авернета. С тех пор башня стоит пустой, но там то и дело слышат какие-то шаги, стоны, вздохи. В общем, считают дурным местом, на которое Марготт перед побегом наложила пару сотен проклятий. А мне вот никогда не было там страшно, наоборот, мне всегда казалось, что это просто старая башня, с тайнами, конечно, но совершенно не жуткая.

— А чем ты вообще занимался, когда был принцем? — неожиданно спросил Лукас и тут же смутился. — Извини, что лезу не в своё дело, наверное, мне просто интересно, правда! Знаешь, мне всегда казалось, что у таких, как ты, один бал сменяет другой ну и прочие всякие праздники. А сейчас смотрю — ничего подобного. Одна сплошная головная боль!

— Чем занимался? — я честно попытался вспомнить. — Охотиться выезжал, иногда на две-три недели, у нас есть несколько охотничьих замков в разных частях Авернета. По гарнизонам ездил, это одна из официальных обязанно-

стей принца. Занимался с наставниками из университета, с преподавателями по разным дисциплинам, фехтовал, верхом ездил. По провинциям путешествовал, чтобы с государством познакомиться, так сказать, живьём, своими глазами посмотреть. Это, конечно, были чисто увеселительные прогулки, в дела я практически не вникал, да мне, скорее всего, и не дали бы. А так приедешь в отдалённую область, тебя там встречают, как чудо какое-то! Ну и, естественно, балы, приёмы, развлечения в зависимости от особенностей местности. Карнавалы, маскарады, ужины... И так по кругу... Мимолётные интрижки, где забота одна — обезопасить себя от ненужных последствий, чтобы бастардов не плодить. А потом мне это надоело всё, и я сбежал в гвардию...

— Смело, — Лукас посмотрел на меня с искренним уважением, — добровольно отказаться от постоянного праздника в жизни не каждый сможет.

Мне почему-то его похвала была очень приятна, наверное, потому что я понимал: камердинер говорит искренне, а не потому что так нужно по должности.

Наша, несомненно, увлекательная беседа была прервана господином Стайном, которого охрана пропустила безропотно, потому как демонстрировать в данном случае служебное рвение себе дороже.

— У вас что-то случилось, Александр? — спокойно поинтересовался главный интриган королевства, проводив взглядом моментально испарившегося из комнаты Лукаса. — На-

деюсь, ничего серьёзного?

— Я просто хотел с вами посоветоваться, Вильгельм, — я устроился в кресле, жестом предложив Стайну занять любое из свободных.

— По поводу?

— Сегодня я, как вы знаете, иду на ужин к её величеству, — неспешно проговорил я, — и мне хотелось бы знать, какой образ имеет смысл поддерживать?

Какое-то время Стайн молча рассматривал меня, словно редкого зверька, случайно выбежавшего из кустов на поляну: с интересом и некоторым недоумением.

— А какие у тебя есть варианты? — спросил он, внезапно переходя на «ты», в связи с чем я моментально преисполнился гордости. Мне показалось, что это свидетельствовало о некой моей пригодности к великим замыслам. Иначе говоря, таким переходом меня словно допустили на какой-то следующий уровень, на следующую ступеньку, признали своим. Прекрасно понимал, что это абсолютно детское восприятие, но ничего поделать с собой не мог, да и не хотел, скорее всего.

— Могу быть тем, кем я был год с небольшим назад, — начал я, — легкомысленным балбесом, любителем охоты, танцев и хорошеньких дочек провинциальных аристократов.

— Неплохо, — совершенно серьёзно кивнул Стайн, — продолжай, Александр.

— Год в северных гарнизонах мог плохо сказаться на мо-

ём характере, — продолжил я, увлечённый этой игрой, — никто же не знает, что мне невероятно повезло как с генералом Флодингом, так и с остальными сослуживцами. Совсем в солдафона я, конечно, превратиться не успел бы, но дурной армейской лихостью заразиться вполне мог.

— Интересно, — одобрил Стайн, — надо обдумать. Ещё предложения есть?

— Могу быть нормальным серьёзным принцем, который взялся за ум и по-настоящему готовится к неким глобальным переменам в жизни.

— Не последний вариант — это совершенно точно, — решительно остановил меня Стайн, — этот образ мы прибережём на потом, сейчас он не годится. Наверное, пусть будет лоботряс, нахватавшийся армейских замашек и считающий, что они придают ему особое очарование. Сможешь?

— Постараюсь, — подумав, определился я, — мне как раз костюмчик подходящий готовят, по последней, так сказать, дворцовой моде. От локонов, правда, удалось отбиться, хотя и с определённым трудом. И долго мне в этом образе быть?

— Думаю, пока не усыпим бдительность заговорщиков, — ответил Вильгельм, — будут подсовывать девицу — не отказывайся. Ты год в гарнизоне пробыл, так что наверняка истосковался по изысканному женскому обществу. Сегодня вряд ли, а вот завтра будь готов к сюрпризам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.